

Глава 125. Прядь единого сердца

От него исходил свет.

Среди такого множества людей Цзян Тан видел только тёплый золотистый солнечный ореол вокруг Фу Линцзюня.

Он и сам не понимал, о чём думал в ту секунду, когда увидел его. В ушах стоял гул, перед глазами всё расплывалось, словно мир сделался зыбким и пустым. И только когда Фу Линцзюнь, держа его за руку, прошёл с ним несколько шагов, окружающее снова обрело очертания.

— Тан-Тан, смотри под ноги, — сказал Фу Линцзюнь, склонившись к его уху.

Вся дорога к месту обряда поклонения Небу была устлана цветами, а со всех сторон сыпались поздравления. Собравшиеся посмотреть на церемонию заклинатели облепили путь с обеих сторон так густо, что яблоку негде было упасть.

— До чего же красиво! — завопил кто-то во всё горло, стоило ему увидеть, как Фу Линцзюнь выводит Цзян Тана.

— Неправильно говоришь. Надо сказать: до чего же они подходят друг другу! — тут же возразил ему другой.

И этим человеком оказался не кто иной, как даосский святой из школы Лянъи Янь Цунси. Сам неведомо когда успел затесаться в толпу и теперь, прячась среди остальных, с удовольствием глазел на это веселье.

Первый заклинатель сразу узнал Янь Цунси. По-хорошему, при такой разнице в положении ему следовало бы немедленно поклониться. Но сегодня был день великой радости господина Юйяня, и никто не собирался вспоминать о старшинстве и статусе. Все только смеялись и шутили, словно старые друзья, так что на этом всё и закончилось.

— Ладно-ладно, сказал не то — моя вина, моя вина! Потом сам себя накажу тремя кубками!

— Ха-ха, всего тремя? — Янь Цунси смеялся так широко и свободно, будто сам был сегодня женихом. — Не меньше десяти!

Он шумел больше всех. А вот стоявший рядом с ним в белом Цзян Чаньюань выглядел куда спокойнее. Он с мягким выражением лица смотрел, как Янь Цунси кричит и смеётся, а в уголках его губ теплилась лёгкая улыбка.

Попадались и поздравления посolidнее. Высокий как башня Му Хэн и так торчал в толпе слишком заметно, а тут ещё и произнёс напыщенное поздравление:

— Отныне крыльями — вдвоём в полёте, а ветвями — вместе на едином древе. Господин Юйань, поздравляю, поздравляю!

Стоявший рядом заместитель главы школы Сюэцзи скривил губы, протянул руку и дёрнул здоровяка назад:

— Глава Му, хватит уже строить из себя книжника. Отойди на пару шагов, ты весь проход загородил!

— Вот именно! Ты мне брата заслоняешь! — Фу Чэнь бросил на Му Хэна косой взгляд, схватил за руку ребёнка примерно своего возраста и встал на цыпочки. — Смотри скорее, это и есть спутник Дао моего брата. Красивый, правда?

Мальчик рядом с ним был вовсе не толстым, но щёки у него ещё оставались по-детски пухлыми, оттого лицо казалось кругленьким и милым. И непонятно почему в волосах у него была воткнута плетёная бабочка из травы.

— Красивый! — изо всех сил кивнул он.

Громадного Му Хэна оттеснили назад два сопляка. Он неловко потёр нос и послушно отступил, но взгляд его сам собой всё равно зацепился за круглую детскую макушку.

Все вокруг двигались, отступая назад, и бабочка на голове малыша дрожала и подпрыгивала вместе с ним, так что Му Хэн то и дело невольно косился именно туда.

— Сто лет вместе — нет, тысячу, десять тысяч лет вместе! — выкрикнул Фу Нин. При его огромной туше толпа всё равно теснила его назад. Он взмахнул в воздухе толстой рукой, с трудом высунув из-за других половину головы. — Живите душа в душу, сладко и счастливо!

И тут же по этой высунувшейся голове ему как треснули.

Рядом с толстяком стояла женщина с мягкой, достойной внешностью. Сейчас она уже закатала рукава и грозно уставилась на Фу Нина:

— Ну на что ты вообще годишься? С господином Юйанем вы почти ровесники, а разница между вами — как между небом и землёй.

Фу Нин съёжился, держась за голову, и с заискивающей улыбкой сказал:

— Матушка, сегодня такой счастливый день, давайте не будем об этом, а?

Лица всех собравшихся заклинателей и членов рода Фу светились радостью. Кто-то даже, разгорячившись, принялся вместе со служанками швырять в воздух лепестки и, смеясь, идти рядом.

Фу Линцзюнь вёл Цзян Тана через этот шумный людской поток.

Ему будто попадались в толпе знакомые лица. Янь Цунси, громче всех поднимающий шум. Мягкий и учтивый Цзян Чанъюань. Хуай Шоусинь с нарочито суровым лицом, хотя и он не мог скрыть радости. Растерянный среди толпы Му Хэн. И даже в самом неприметном уголке Цзян Тан разглядел Сун Юнчжэна с его вечной подобострастной улыбкой и Сун Яня, державшегося рядом.

Все те, кого он видел и за пределами сна, — и любимые, и ненавистные — в мире зеркальных цветов и водяной луны проживали совсем иные судьбы.

Но эти лица со всех сторон окружали ещё более знакомые и дорогие ему люди. Вокруг искренне радовался за них род Фу. Цзян Тан даже заметил, что Фу Син, пытаясь пробиться вперёд и разбрасывать лепестки, успела несколько раз от души оттоптать ноги окружающим.

Пройдя сквозь весь этот смех и благословения, Фу Линцзюнь наконец вывел его на высокий помост.

Они стояли плечом к плечу. Их тени тесно прилегали одна к другой, не расходясь ни на миг.

Те заклинатели, что провожали их сюда шутками и криками, теперь собрались под помостом и, остановившись на приличном расстоянии, смотрели на них снизу вверх. Даже они уже убрали прежнюю чрезмерную вольность и молча подняли головы.

Цзян Тан с детства легко начинал нервничать.

В школе он на простом представлении перед классом мог от волнения лишиться голоса, в средней и старшей школе при любом выступлении у него дрожали ноги, руки и плыл голос, а в университете, когда на вступлении в кружок приходилось показывать что-то перед толпой незнакомцев, он вообще едва не терял сознание. А теперь перед ним стояло целое море заклинателей — знакомых и незнакомых, все сразу, все в одном месте.

Рядом словно без конца кто-то ходил и двигался, но Цзян Тан почти ничего не слышал. В одно мгновение ладони у него стали мокрыми от пота.

И тут его руку сжали.

— Не бойся, — с мягкой улыбкой сказал Фу Линцзюнь, пряча в ладони его маленькую ладонь, влажную от пота, и осторожно сжимая её снова и снова. — Очень скоро всё закончится.

Цзян Тан не знал, что в понимании Фу Линцзюня означает «очень скоро», но на деле ему и правда нужно было сделать не так уж много. Госпожа Фу уже не раз и не два подробно объяснила ему весь порядок обряда, и ошибиться он не должен был.

К ним подошёл человек с вином на подносе. Фу Линцзюнь взял одну чашу и подал её Цзян Тану, вторую оставил у себя в руке.

Цзян Тан глубоко вдохнул, принял чашу и велел себе не смотреть на бесконечную толпу.

Самый старый человек в роду Фу держал в руках свиток. Торжественно подойдя к ним, он остановился, развернул его и громко провозгласил:

— Первая чаша — Девяти небесам!

В следующее мгновение прозрачное вино из чаш Цзян Тана и Фу Линцзюня поднялось в воздух, подхваченное духовной силой, и вспыхнуло изначальным духовным пламенем рода Фу, превратившись в ослепительное золото с алым. Оно сложилось в двух переплетённых фениксов и взмыло к ясному небу.

Крик феникса был чист и пронзителен, будто отзывался прямо в душе.

Обряд поклонения Небу был особой традицией дворца Гуанлин. Многие из приехавших на церемонию заклинателей никогда не видели ничего подобного и теперь не удержались от тихих перешёптываний.

Что до изначального духовного пламени, оно и вовсе было доступно только прямым потомкам рода Фу. Многие лишь слышали о нём, ни разу не видев собственными глазами, и теперь с нескрываемым изумлением щёлкали языками.

— Вторая чаша — Земле!

Цзян Тан, как учила его госпожа Фу, почтительно последовал примеру Фу Линцзюня и вместе с ним вылил вторую чашу на землю. В тот миг, когда вино коснулось камня, на поверхности вспыхнул мягкий золотистый свет, а затем медленно растаял.

— Третья чаша — родителям! — громко провозгласил старейшина рода Фу, свернул свиток и отступил на шаг.

Последнюю чашу надлежало поднести родителям обеих сторон.

В этом мире у Цзян Тана родителей не было, и потому Фу Юэбай с госпожой Фу стали для него его родителями.

Он почтительно поклонился, а затем поднял чашу и осушил её до дна.

— Хорошие дети... вы оба мои хорошие дети... — Глядя на эту стоящую рядом прекрасную пару, госпожа Фу едва заметно покраснела глазами. Она легонько промокнула уголки глаз платком и с улыбкой показала им, чтобы они скорее опустили чаши.

Тут подошли служанки с фарфоровым подносом и забрали у них пустые кубки.

На этом большая часть обряда уже была завершена.

Цзян Тан чуть заметно выдохнул.

Старейшина рода Фу сложил пальцы в печать, и тотчас у Цзян Тана и Фу Линцзюня отсеклись по тонкой пряди волос, отделились и зависли в воздухе.

— Прядь единого сердца — и вовеки не разлучиться.

Это был обряд связывания волос и самый важный шаг всего поклонения Небу.

Двое, решившие стать спутниками Дао, должны были каждый отделить по пряди волос, в которой заключено нынешнее чувство их сердца. Печать, которую складывал старейшина рода Фу, называлась печатью единого сердца. Чем быстрее под её действием две пряди сплетались вместе, тем вернее это означало, что эти двое берегут и любят друг друга.

Если волосы соединялись в пределах десяти счётов, это означало, что чувства у них одинаково горячие и оба любят друг друга всем сердцем.

Бывало и так, что пряди сходились лишь спустя время, не торопясь, едва ли не целую палочку благовоний. Это ещё не значило, что люди не любят друг друга. Лишь то, что такая любовь не выше жизни и смерти, и что в сердце, помимо другого человека, остаётся слишком много иных забот.

Но едва старейшина договорил, как две пряди волос уже стремительно сплелись одна с другой. Каждая нить словно обнимала другую, пока всё не слилось в одну-единственную прядь. В конце она плавно опустилась в роскошную красную шкатулку, устланную бархатом, и тихо легла там.

— Так быстро связались волосы? — Янь Цунси явно оживился. Он ткнул стоявшего рядом Цзян Чаньюаня локтем. — Кажется, это самые быстрые спутники Дао из всех, чьё связывание волос мы видели, а?

Тот держал одну руку за спиной и, задумчиво глядя на лицо Янь Цунси, негромко ответил:

— Угу. А у тебя потом как будет?

Янь Цунси пожал плечами:

— Красивых заклинительниц в мире столько, как же мне заставить кого-то из них грустить? Честно говоря, боюсь, даже младшая сестра успеет выйти замуж, а я всё равно так и не найду девушку, которая подошла бы мне лучше всех.

Цзян Чанъюань медленно отвёл взгляд и больше ничего не сказал.

А вот Фу Син и Фу Юэ, которых толпа уже вытолкнула почти на самый край и которые сопровождали сюда Цзян Тана и господина Юйаня всю дорогу, от волнения так и подпрыгивали на месте.

— У-у-у, я же знала, что господин Юйань и Сяо Тан любят друг друга сильнее всех на свете! Ты видела? Их волосы сошлись без малейшей, просто ни на волосок, ни на миг заминки!

Фу Юэ смотрела на двух ослепительно красивых новобрачных на помосте и так энергично кивала, что чуть не слетела заколка:

— Это уже любовь сильнее жизни и смерти! У-у-у, я же говорила, что раз господин Юйань вдруг решил жениться, значит, он и правда встретил того, кто так идеально ему подходит! Это же просто чудесно!

И те, кто пришёл посмотреть на обряд, и люди из рода Фу — все, увидев, как волосы двоих почти мгновенно переплелись в одно, не смогли удержаться от восхищения глубиной чувств этой пары.

Цзян Тан смотрел на сплетённую прядь, и в глазах у него от тепла защипало.

Фу Линцзюнь хранил своё чувство в сердце, а господин Юйань открыто явил его всему миру. Не удержавшись, Цзян Тан сам взял стоявшего рядом человека за руку и, подняв голову, встретился с его мягким взглядом.

— Прядь единого сердца — и вовеки не разлучиться, — тихо повторил Фу Линцзюнь. Потом наклонился и шепнул ему на ухо: — Спасибо, что так сильно меня любишь.

Лицо Цзян Тана вспыхнуло в одно мгновение.

Он смущённо отвёл взгляд. Не только щёки у него стали алыми — даже маленькие открытые мочки ушей затянуло розовым румянцем.

— Н-не за что, — тихо пробормотал Цзян Тан, почти неслышно, как комар. — Любить тебя совсем не трудно.

И тут же он услышал у самого уха тихий смех Фу Линцзюня.

Тёплый. Щекочущий.

— Поздравляем, поздравляем! Господин Юйань наконец встретил своего человека!

После завершения обряда пришедшие на церемонию заклинатели вновь вернулись к прежнему весёлому гомону.

— Господин Юйань, теперь уж ты должен как следует выпить с нами несколько чаш!

— Вот именно, вот именно!

— Эй, не перегибайте, — с многозначительным видом заметил кто-то. — Сегодня ночью такая прекрасная брачная ночь. Что будет, если вино её испортит?

<http://bllate.org/book/17032/1723208>